

свидетелем и страшного «оскуденья» — голода, бедствий войны, и жестоких расправ Годунова, и страха этого царя перед Самозванцем и востановившим народом. Представление о том, каким не должен быть царь, складывалось у него под впечатлением исторической действительности и подкреплялось авторитетом писания, но он впервые решился не только приложить давно знакомые требования к царю-современнику, но и изложить свои критические соображения в историческом повествовании.

Изображая критически различные отрицательные черты характеров и поведения людей, учительная литература раскрывает их вредное воздействие не только на самих этих людей, но и на окружающих, предлагает и способы борьбы, преодоления дурных «обычаев». Конкретность и жизненность наблюдений и размышлений на эти темы многому могла научить читателей, углубляя оценку их собственного поведения, с одной стороны, и поступков «инех» — с другой. Так открывался путь для раздумий над душевным миром исторических деятелей и литературных героев.

Когда автор второй редакции Хронографа утверждает, что Дмитрию Самозванцу не на пользу пошла даже его любовь к «книжному почитанию» (см.: Человек в литературе, стр. 21), о пользе которого напоминала уже летопись под 1037 г. и многократно учили афоризмы учительной литературы (см. выше, стр. 29—30), то нельзя не вспомнить, что и Пчела словами Богословца предостерегала: «Философских догмат сила кротким оружие бывает к благодеянию, и лукавым жало к злобе» (стр. 162—163). Златоуст также осуждал тех, кто «не душевныя пользы ради стяжают книги, но хотяще явити богатство свое и гордость: тако преумножися в них тѣшеславие, а никто же слыша рѣкуща: вем книжную силу» (стр. 163). И Демокрит, «видев уношу, много книг купяща, и рече: Не у влюофики да клади, но в перси» (стр. 171).

Укор Ивана Тимофеева своим современникам, легкомысленно предавшимся Самозванцу («Вместо разума токмо седину едину имуще и брэдную власом долгость, юже являху людем и красяхуся тою, яко мудрии»), Д. С. Лихачев определяет как новую черту в представлении о человеческом характере: «Внешность человека уже не соответствует, как раньше, его характеру» (Человек в литературе, стр. 21). В Пчеле св. Василий учит: «Старчъский ум вернеиши седин» (стр. 432). А Златоуст напоминает: «...седина бо тогда чьстьна есть, егда сединная дела творить... седины бо чьстими не того ради, оже бел образ лучи чернаго, но зане знаменая суть доброму житью» (стр. 433); «Белии бо власи никого же не спасают, седина бо не белии власи, нъ душевная благость» (стр. 434).

Отмечая изменение характера Годунова после смерти царя Федора, когда он получил всю полноту власти, Иван Тимофеев утверждает, что именно «высота сана», которая была дана ему «паче естества», оказалась причиной того, что Годунов «претворися и нестерпим всяко, всем жесток и тяжек обретеса; о людех варив благотворением малем и прельсти державу свою» (Человек в литературе, стр. 18). В этих словах слышится прямой отзвук горького скептицизма учительной литературы, утверждавшей словами Иоанна Златоуста: «Велик человек есть пред богом, иже во власти не изменится». Даже «смысленные» поддаются дурному влиянию власти: «Власть бо очи смысленных ослепляет».⁶⁴

⁶⁴ «Слово святых отец о славе мира сего» по тексту Измарагда Троице-Сергиевской лавры, № 202 — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, стр. 83.